

ПОЛУСОЛНЦЕ

КРИСТИНА РОБЕР

Young
Adult

МИОО

ПЛЕЙ-ЛИСТ

The Sound of Silence – Pentatonix

The World we made – Ruelle

Going down fighting – Phlotilla

Rakuen – Do as Infinity

Better than this – Paloma Faith

Спой – Миша Марвин (feat. Мот)

Mother – Ina Wroldsen

Minefields – John Legend, Faouzia

Riverside – Agnes Obel

У меня немаэ дому – Один в каное

Shine a light – AG feat. Connie Lim

Born alone die alone – Madalen Duke

Shinjitsu no Uta – Do as infinity

Time to give – White lies

Мам, это тебе

*Когда день клонится к закату и я вижу на небе лишь половину
солнца, мне хочется верить, что там, по ту сторону мира,
другая половина светит тебе*

Пролог

Я хотел сжечь это место к чертям собачьим, но, оказывается, никакая ненависть к богам не дает мне такого права.

Это я понял сразу, заметив спешащего ко мне священника. Он даже рта не успел раскрыть, но по виду его раздувающихся ноздрей стало ясно, что факел придется потушить.

Досадно на самом деле. И ужасно несправедливо. Я всего лишь хотел поставить эффектную точку в посещениях святилища этой злобной стервы Инари*. Ладно-ладно, может, и не злобной. Но когда могущественная женщина, какой-то своей конечностью причастная к моему существованию, за пять лет ни разу не ответила на мои вежливые вопросы (крики, вопли, ругательства — я очень старался, даже пару раз сорвал голос!), логично, что у меня вырос зуб на нее.

И я бы, наверное, смог объяснить всю глубину несправедливости этому бедному священнику, но, посмотрев в его выпученные глаза, плюнул да бросил факел. Старичок с облегчением отер пот со лба и укоризненно цокнул языком. Я лишь пожал плечами — обычное дело! — и устало опустил на землю. Хотел было трубку раскурить,

* В синтоизме богиня плодородия, покровительница земледельцев и рисовых полей. *Здесь и далее — примечания автора.*

да передумал: в своих мечтах я курил исключительно с видом на стены и тории*, объятые рыжим огнем.

Таким же рыжим, как лживые глазища Рэйкен.

Я глубоко вздохнул.

Мой друг Ючи говорил, что я оправлюсь от потери сразу же, как только приму, что моя любовь к этой женщине была вовсе не любовью, а губительной одержимостью, которую она же мне и внушила. Чувства, которым я противился, которые буквально сжирали меня изнутри, — оказывается, на самом деле их не существовало... Вот так просто. Наверное, я и вправду баран или глупый хого**, как окрестила меня моя ненаглядная лгунья, потому что за пять лет так и не принял этой правды. Признать, что меня водили вокруг пальца? Нет уж! Лучше сдохнуть от неразделенной любви, пусть даже несуществующей.

Баран. Сомнений нет.

Прищурившись, я уставился на бедного священника, кружащего у главной лестницы храма в жалких попытках казаться занятым делом. Я беспощадно сверлил его взглядом, пока он не сдался и не посмотрел на меня в ответ.

— Вы помните ее? Помните, как я пришел за ней?

Священник нахмурился. Хотел притвориться, что безуспешно роется в памяти, но я сердито поджал губы и замотал головой:

— Нет. Даже не думайте прикидываться. Я-то вас помню. Так уж вышло, что с некоторых пор память у меня слишком хорошая.

Священник обреченно вздохнул и засеменял в мою сторону. Немного постояв рядом и не дождавшись никакой реакции, он сел возле меня на землю и уставился на храм.

— Помню, господин.

* П-образные ворота без створок в синтоистском святилище.

** Защитник.

— Вот скажи, зачем вы отдали ее мне? Неужели ради денег?

Он посмотрел на меня как на самую пропащую душу, и столько в его взгляде было жалости, что я впервые за много лет стал сам себе по-настоящему противен. Заерзав на месте, я почесал подбородок. Весь в жесткой щетине. Надо бы побриться, в конце концов.

— Прежний служитель святилища, достопочтенный Исумаки Камамото, питал слабость к отвергнутым. Он был уверен, что сама богиня Инари послала вас.

Я презрительно фыркнул, борясь с желанием выложить бедолаге правду, но побоялся, что его вера не выдержит такого испытания.

— У вашей несравненной богини своеобразное чувство юмора, — прошипел я.

— У богини безграничное сердце, способное сострадать всем своим созданиям. Даже... — Священник стыдливо потупил взгляд, — самым недостойным из них.

Каков черт.

Недостойным!

Сам ты... Пойдите... Это он обо мне или о Рэйкен?

Я был готов разразиться язвительной тирадой, но в последний момент прикусил язык. Когда я успел стать таким циничным? Проведя почти всю жизнь в тоске по утраченной семье, подавляя в себе чувство несправедливости от того, что взвалил на меня умерший брат, я никогда не позволял себе озлобиться. Но потеря Рэйкен превратила меня в существо, отвергающее все живое и прекрасное. В последние дни, проведенные с ней, я с ужасом представлял, как вернусь в поместье Сугаши одиноким, без племянников, о которых заботился всю сознательную жизнь, без друга, который хоть и нагло использовал мое доверие, но все же был рядом в самые тяжелые минуты. Я думал, что все преодолею, лишь бы близкие были со мной. Но сейчас, спустя пять лет, намеренно затворялся от всех. В гордом

одиночестве ел себя изнутри большими ложками и даже не давился.

Так много произошло в те злосчастные десять дней. Случившееся могло изменить меня, но именно ее потеря убила во мне прежнего Шиноту Сугаши — упрямого юнца, прячущего спутанные лохмы под косынкой, в душе — крестьянина, на деле — господина, наследника рисовых полей и опекуна очаровательных близнецов, ненавидевшего все сверхъестественное.

Я поднялся на ноги и медленно побрел к святилищу. Остановившись у подножия лестницы, засунул руки в карманы и зашептал со всей мольбой, на которую только был способен:

— Злобная ли ты гадина или богиня с безграничным сердцем — мне плевать. Но прошу тебя в последний раз! Найди ее, в каком бы из загробных миров ни обитала ее душа, и дай мне с ней поговорить. Один раз! Я должен убедиться, что успел. Я должен знать, как она умерла. Если сделаешь это, обещаю... зараза... хорошо, обещаю: я перестану скрываться от вас.

Пестрые стены храма оставались безмолвными. Каменные статуи кицунэ* равнодушно взирали своими мертвыми глазами. Ни шороха. Ни ветерка. Наверное, если бы Инари действительно слышала меня, она бы соизволила подать знак. В прошлый раз ведь пришла.

— Дрянь глухая, — буркнул я, забыв о смирении.

Священник по-прежнему сидел на земле и молча смотрел перед собой. И я вдруг понял, что это конец. Ни мое упрямство, ни моя злость — ничто ее не вернет. Я исчерпал все варианты и теперь должен смириться с тем, что сделал. Спаситель я или убийца — кто знает. Но мне придется выбрать версию, с которой получится жить свою новую бесконечную жизнь.

* Лисы-оборотни, посланники богини Инари.

Я побрел к главным ториям с твердым намерением завершить свое унижительное паломничество в этот храм, как вдруг замер. Между деревьями что-то мелькнуло. Не почудилось ли мне? Я всмотрелся... Ее глаза! Это были ее глаза! Сердце сделало кувырок и остановилось. Я бросился вперед, но не успел добежать даже до ворот, когда заметил маленькую белую лису, со всех лап удиравшую в глубь леса.

Я онемел. Могла ли Инари так издеваться надо мной? Неужели это был настоящий кицунэ? Она отправила свою шавку следить за мной? Не может быть...

А что, если...

Нет, невозможно! Рэйкен не была кицунэ. Разве что и в этом она мне лгала.